

Д. Полторак

*Воспоминания
о
моей жизни*

Давид Полторак

Воспоминания о моей жизни

ТД "Белый город"

2014

УДК 82-94
ББК 63.3(0)62

Полторак Д. И.

Воспоминания о моей жизни / Д. И. Полторак — ТД
"Белый город", 2014

ISBN 978-5-9067-2642-1

Давид Иосифович Полторак, чье детство и юность пришлись на грозные годы Великой Отечественной войны и трудное послевоенное время, делится с читателем своими воспоминаниями. Бытовые зарисовки и яркие, запомнившиеся на всю жизнь эпизоды, встречи с интересными людьми и малоизвестные факты – все это так или иначе связано с историей нашей страны, а потому воссоздает реальную картину жизни целого поколения – тех, кто в годы войны был подростком, юношей. О чем думали, что делали в это время сверстники автора, что интересовало и волновало их? Об этом и многом другом ведет свой искренний и доверительный рассказ автор.

УДК 82-94
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-9067-2642-1

© Полторак Д. И., 2014
© ТД "Белый город", 2014

Содержание

Детство	7
Братья	15
Школьные годы	22
Памятные встречи с родней	24
Война	27
Дорога в эвакуацию	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Давид Иосифович Полторак

Воспоминания о моей жизни

© ООО ТД «Белый город», 2014

* * *

Детство

Детство мое прошло в городе Одессе в доме № 17 по Земской улице (теперь это улица Лейтенанта Шмидта). Туда после отмены черты оседлости переехали мои родители – отец Полторак Иосиф Шимонович, уроженец деревни Махновка Винницкой губернии, и мать Клара Александровна (до замужества Краснощекая).

Мой дед, сельский учитель, с детства приобщил отца к работе с лозовыми изделиями, и это стало его специальностью в будущем. Из высушенной лозы он научился делать хозяйственные кошельки, сумки, корзины. Хорошо помню их внешний вид. Желто-золотистые, разнообразные по величине, они всегда привлекали внимание женщин. В них было удобно носить с рынка разного рода продукты: молочные, овощи, фрукты, мясо, рыбу.

В период НЭПа отец вместе со своим братом Мишей, моим дядей, организовали небольшой магазин на Привозе (одесский рынок), где они мастерили и продавали эти самые корзины.

Отец был не только «конструктором» корзин. Ему приходилось заготавливать и сырье для своей продукции. Для этого он часто выезжал в сельские районы Центральной России и Украины, закупал лозу и отправлял ее в Одессу.

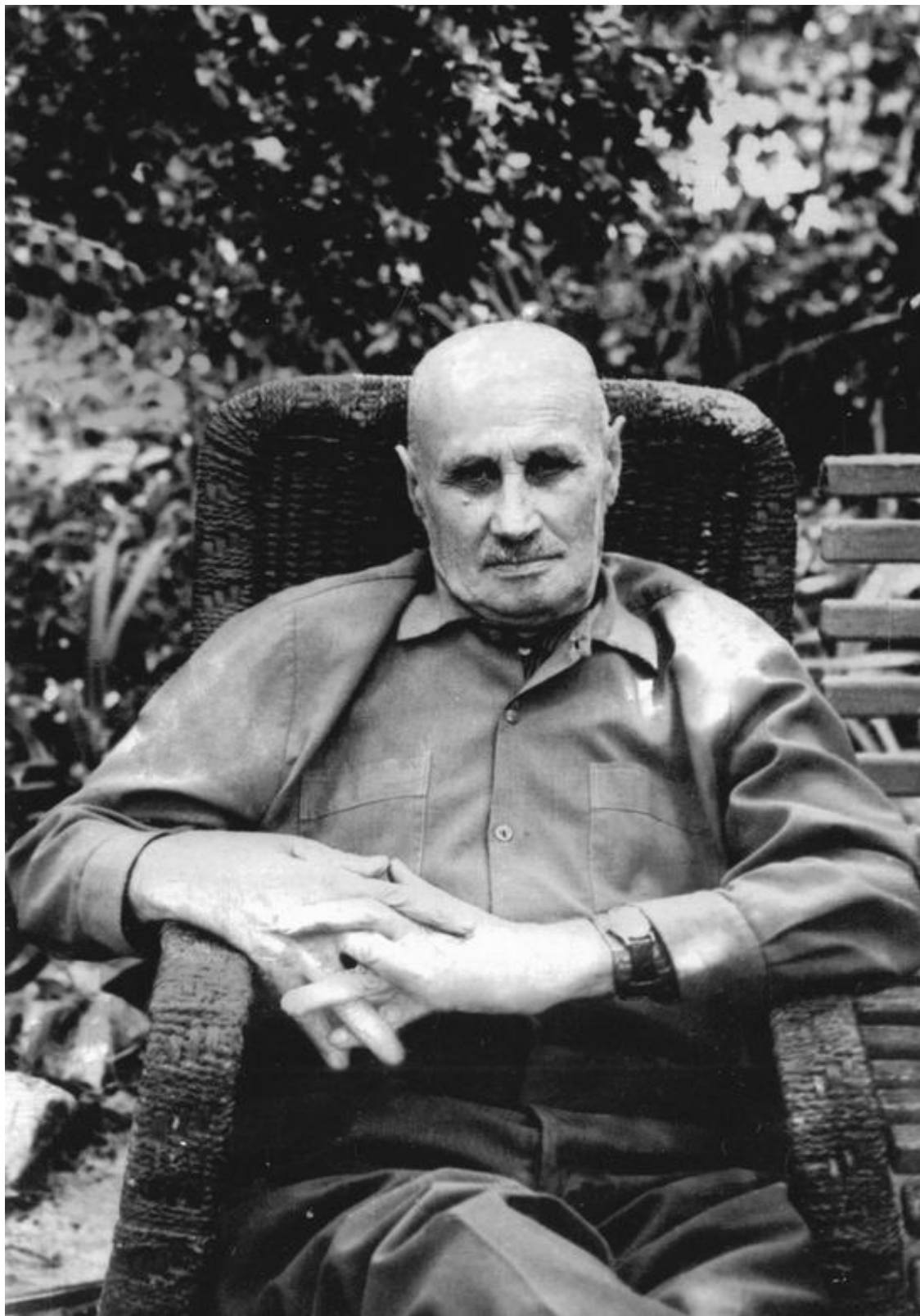
Дед Шимон – сельский учитель

Вскоре отец вместе с братом начали изготавливать чемоданы. Обтянутые дерматином, с красивыми никелированными замками и кожаной ручкой, они пользовались большим спросом у покупателей. Тем более что рядом с Привозом находился вокзал, пассажиры которого часто ходили и искали удобные и красивые кофры для перевозки своих вещей.

Неоднократно мы с моим братом Мироном заходили в этот магазин. Нам было интересно рассматривать, как ловко отец и дядя делали чемоданы и корзины. Иногда нас привлекали к расстановке готовой продукции. Наблюдая за отцом, я всегда поражался его энергичной работе над ее созданием. Вместе со своим братом они трудились с раннего утра и до позднего вечера. Нужны были не только физические усилия, но и элементы эстетики и смекалки, особенно в вопросе о наиболее привлекательном размещении готовой продукции.

Домой отец приходил в девять-десять часов вечера. И так каждый день. Я никогда не видел его вечером или в выходной день отдыхающим на диване или кушетке. Всю жизнь он

был настоящим тружеником. Это умение трудиться он пронес через всю свою жизнь. Уже в пожилом возрасте, будучи пенсионером, он с раннего утра составлял список дел, которые необходимо было сделать, а потом неукоснительно его выполнял до самого вечера: ходил за продуктами, посещал родственников, занимался небольшими ремонтными работами.

Отец

Мать

Несмотря на занятость и интенсивный труд, он никогда не забывал о детях и заботился о нас. Я испытал это на себе больше других братьев. Часто, возвращаясь из своих поездок, он привозил детям подарки. Старался, чтобы они были желанными и полезными.

Помню, как в 1936 году я обрадовался, когда он, приехав из Ленинграда, привез мне роликовые коньки. Это была не только новинка, но и, как мне казалось, дорогая вещь. В те годы в кино мы впервые увидели знаменитых зарубежных артистов, катающихся на таких коньках, и вдруг я получаю столь привлекательный для меня подарок.

Гордость Одессы – оперный театр. (Архитекторы Ф. Фельнер, Г. Гельмер)

На следующий же день, прикрепив с помощью отца ролики к ботинкам, я отправился на асфальтированную дорожку недалеко от дома и стал учиться сначала стоять, а потом двигаться. Конечно, домой пришел с многочисленными ушибами и синяками, но был счастлив. Ни у кого из моих сверстников не было таких коньков.

Конечно, отец, несмотря на занятость, зорко следил за поведением своих детей. Проказы были разные: Аркадий однажды, спускаясь по перилам лестницы в соседнем дворе, съехал в кипящий котел с бельем; Саша начинал втайне курить, Мирон вызывал недовольство учительницы русского языка, которая часто ставила ему двойки. На все эти проказы отец реагировал четко. Всем попадало порядочно. Не помню случая, чтобы кто-либо из братьев не был наказан за плохие поступки.

Однажды я был поражен тем, как он гнался за Мироном вокруг стола в столовой комнате, чтобы его отлупить. Дело было летом. Открытое окно выходило во двор. Мирон, спасаясь от отца, в страхе вскочил на подоконник и прыгнул во двор. А жили мы в бельэтаже – это почти второй этаж по современным меркам. Отец в раже тоже вскочил на подоконник и побежал за ним. Эту сцену наблюдали жители нашего дома. Мирон побежал в другой конец двора, и там его укрыли пацаны.

Мне также доставалось за некоторые проступки, но в меньшей степени, чем братьям.

Родители были религиозными людьми. Каждый день у отца начинался с молитвы. Он надевал на себя молитвенное облачение: на лоб и на локоть *тфилин* (черные кожаные коробочки с кожаными ремнями), на плечи набрасывал *талес* (шаль). И так каждое утро. По субботам отец всегда ходил в синагогу, молился там. Домой возвращался с двумя бедными людьми, которых надо было покормить.

Памятник императрице Екатерине Великой (Скульптор М. Попов, архитектор Ю. Дмитренко)

Из еврейских праздников мне больше всего запомнилась еврейская Пасха – Пейсах. В первый и второй вечер вся семья садилась за праздничный стол. На столе в отдельном блюде были поставлены кушанья: несколько видов бутербродов из мацы, заполненных хреном, яйцами и еще какими-то горькими травами. Отец разъяснял, что это должно напоминать тяжелое положение еврейского народа, находившегося в рабстве у египтян. И эти маленькие бутерброды нужно было есть, чтобы ощутить то далекое и тяжелое время.

Центральным моментом праздничного пасхального вечера была беседа отца с сыном (*фир кашес* – четыре вопроса). Сын задавал их отцу, который должен был ответить на эти вопросы. Они касались тяжелого положения евреев в далекие времена плена у египтян.

На Приморском бульваре стоит подлинная, времён Крымской войны 1854–55 годов, чугунная пушка с затонувшего у берегов Одессы английского фрегата «Тигр»

Вопросы задавал старший сын Саша на древнееврейском языке, которому он и Аркадий обучались в детстве у меломеда (учитель из хедера), который приходил раз в неделю к нам в дом.

После этого начинался праздничный ужин – курица, оладушки из муки и из мацы, фаршированная рыба, бульон с *кнейдлах* (клецки).

Пасхальное вино наливали в бокалы. Один бокал с вином стоял в центре стола. Он был предназначен для ангела, которого нужно было впустить в дом в конце обеда.

Обычно дверь открывал я. Однажды с нами на *сейдере* (так торжественно называли первый день Пейсаха) была соседская девчонка Люська Захарова. Мы с ней открыли дверь в дом и быстро побежали смотреть на бокал для ангела. Как сейчас, помню легкое колебание вина в бокале. Значит, отпил немного. Это доставило большое удовольствие.

Забыл сказать, что праздничная посуда и кухонные принадлежности хранились весь год в антресоли над входными дверями в квартиру и распаковывались один раз в год, на восемь дней Пейсаха, а потом закладывались обратно на одиннадцать месяцев.

Я очень любил Пейсах. Мать всегда готовила вкусные блюда: фаршированную рыбу, мясо в кисло-сладком соусе, блинчики из муки из раздробленной мацы, жареную мацу и т. п. На закуску обычно подавали картофель, яйца, вымоченные в соленой воде, вкусные пирожки с печенкой и многое другое.

В доме у нас отмечали и другие еврейские праздники. Запомнился мне праздник Ханука, когда детям раздавали серебряные деньги. Долгое время я хранил у себя в качестве «Хануки гелт» серебряные полтинники. А на праздник Пурим вечером за чаем ели *уменьташи* – треугольные булочки с маком. Благодаря этой гастрономической стороне запоминались многие праздники.

Моя мать, Клара Александровна, была замечательной женщиной. Не закончив, как и отец, средней школы, она обладала природным умом, заботилась о том, чтобы ее дети получили хорошее образование, были в достаточной степени культурными, начитанными и музыкально образованными.

Мама вечно хлопотала по хозяйству. Кроме ежедневной готовки еды, летом и осенью она заготавливала впрок различные варенья (клубничное, малиновое, вишневое), сливовое повидло. Бутерброды с повидлом и маслом ели в течение всего года. А сливовое повидло было обязательным блюдом к завтраку зимой.

При всем этом мама находила возможность заботиться о своей внешности. Была привлекательной и обращала на себя внимание родственников и соседей. Однажды ее красота и умение вести беседу сыграли важную роль в обеспечении спокойствия в семье.

В 1939 году должны были призвать в армию троих моих братьев – Сашу, Аркадия, Мирона; это стало известно многим. Естественно, знал об этом и военный комиссар Одессы. Он пригласил мать в городской военкомат. Состоялась беседа, во время которой комиссар уговорил ее выступить на городском митинге и рассказать, как она к этому относится. Конечно положительно. Вслед за этим к нам домой пришли корреспонденты одесских газет. Фотографировали семью за столом.

После выступления матери на митинге комиссар пригласил ее в военкомат и, в ответ на просьбу отложить призыв в армию хотя бы одного из сыновей, сообщил, что в армию пойдет служить лишь один – Аркадий. Другие братья будут продолжать учиться в вузах. Так мать обеспечила своим детям возможность получить высшее образование. Любовь и уважение к ней родственников и знакомых еще больше выросли.

Попытки обучить своих детей музыке, к сожалению, были почти безнадежны. В доме было пианино «Швехтен», купленное для обучения детей. Но, увы, эти попытки были обречены на провал.

Большие надежды у матери оставались на меня. Другие братья самостоятельно научились играть по слуху. Меня же в возрасте восьми лет повели поступать в школу знаменитого профессора музыки Столярского. После нескольких упражнений он неожиданно предложил мне учиться у него игре на скрипке. Я решительно отказался. Дома продолжал играть по слуху с большим удовольствием – и «доигрался» уже в студенческом возрасте до игры на саксофоне в джаз-оркестре Одесского университета.

Запомнилась мне встреча с композитором Дунаевским, который в свой приезд в Одессу пришел к нам в университет. Мы с большим подъемом сыграли одну его вещь и заслужили похвалу всеми любимого композитора. В дальнейшем я очень сожалел о том, что не учился серьезно игре на пианино, и всегда при этом вспоминал мать, которая предпринимала для этого много усилий: приглашала учителей, водила меня на музыкальные концерты. Но, увы, на музыкальном поприще прославились другие одесситы – Давид Ойстрах, Эмиль Гилельс, Лиза Гилельс и другие. Среди этой группы талантливых музыкантов у меня были друзья. Мы встречались, часто ходили на концерты. Они бывали у меня в доме, играли, заставляя сердце биться учащенно. Очень сожалел, что не учился по-настоящему.

Братья

Оглядываясь назад, вспоминая свои детские и отроческие годы, хочется отметить важную роль в моем воспитании моих братьев – Аркадия, Александра и Мирона. Тогда я считал вполне обычным их общение со мной и как-то не осознавал влияния братьев на меня. По прошествии лет я лучше понял глубину их заботы обо мне. В их присутствии никто не смел меня обидеть. Как-то само собой считалось, что братья многое могли рассказать мне о событиях быстротекущей жизни. Я получал от них ответы на многие вопросы об окружающей меня среде. Наблюдая, как братья вели себя с родственниками, друзьями, я невольно усваивал манеры общения с людьми. Конечно, каждый из них был своеобразен. У каждого был свой круг друзей. Многих из них я близко знал, уважал. Слушал часто их рассказы о взаимоотношениях с родителями, родственниками. Всегда мне нравился юмор, который при этом обязательно присутствовал.

Я и мои братья (Александр, Мирон, Аркадий)

Надо сказать, что по характеру, интересам к той или иной стороне жизни они, конечно, отличались.

Мой рассказ о братьях главным образом касается Саши и Мирона. Аркадий очень рано уехал из дома. Но его стремление самостоятельно строить свою жизнь, ставить перед собой увлекательные цели, добиваться их осуществления, преодолевая трудности, были всегда образцом для моей собственной жизни.

Внешне Саша был интересным человеком, пользовался успехом у девушек, был умным, тактичным в отношениях с родственниками и друзьями. Мне всегда нравилось быть в кругу его товарищей, чувствовать их тяготение друг к другу, желание общаться с моими родителями. Маму мою особенно любили. Сашу всегда отличало горячее чувство в отношениях с матерью. Мы всегда считали его самым преданным ей сыном.

Так, будучи уже взрослым человеком, работая в Одессе по заданию Министерства заготовок (руководителем строительства Одесского элеватора в порту), он по окончании строительства решил остаться в Одессе главным инженером этого предприятия, хотя постоянное

место его работы было в Москве. Главной побудительной причиной этого решения была привязанность к матери, которая в это время после инсульта нуждалась в повседневной помощи. Так он и остался в Одессе.

Мирон, средний брат, был ближе ко мне по возрасту. У нас разница была в семь лет. Тем не менее мы с ним многое обсуждали. Он всегда отличался любовью к чтению – читал произведения художественной, политической литературы. Мне всегда было интересно его мнение о прочитанных книгах.

Мирон, как и другие братья, был всегда готов помочь мне, но делал это чаще старших братьев. Обращаясь к нашим с ним зрелым годам, вспоминаю его неоднократные «субсидии» для поправки моего здоровья. Когда же встал вопрос о приобретении мною самостоятельного жилья, то он, как и Аркадий, передал мне треть необходимой суммы денег для внесения в строительство кооперативного дома на «Речном вокзале».

Мой брат Аркадий (Нюрнберг, 1945 год)

Кстати, вопрос о самостоятельном жилье где-то в конце 60-х годов стал особенно актуальным. У всех нас проявилось желание строить свою жизнь отдельно. Тем не менее при поисках вариантов мы твердо исходили из необходимости прежде всего подбирать себе жилье поблизости друг от друга. Так оно и получилось. Мой и Миронов жилищные кооперативы располагались в полчаса езды друг от друга. Мы тесно общались и ездили в гости.

Обложка книги «Нюрнбергский процесс»

Наиболее успешным в нашей семье был Аркадий. Годы службы в армии, на фронте способствовали росту его авторитета. После выхода его труда «Нюрнбергский эпилוג» и докторской диссертации «Нюрнбергский процесс. Основные правовые проблемы» имя Аркадия стало популярным среди ученых-историков, правоведов. Крупные общественные и государственные деятели, известные политики считали для себя обязательным иметь книгу

Аркадия. Ему часто приходилось выезжать на читательские конференции. Книгу выдвинули на Ленинскую премию. Его приятелями стали многие представители «высшего света».

Международный военный трибунал

При всем этом он оставался нашим заботливым и добрым братом, не переставал помогать в любой ситуации. У него было много чему поучиться. Будучи старшим научным сотрудником в Институте государства и права, Аркадий строго придерживался выработанного режима дня. Обычно его трудовой день начинался в девять часов утра. Работал он преимущественно дома. Утренние часы были святыми. До двух часов дня он сидел и писал, а мы с Мироном, жившие рядом, старались не беспокоить его. Лишь изредка он выходил из своего кабинета и разговаривал с нами.

Своим даром юриста-международника и богатейшим опытом он делился со многими друзьями. Помню, как однажды сидел с ним и раздался звонок. Звонили из «Политиздата» и просили его написать книгу о Нюрнбергском процессе для юношества. После этого звонка он долго уговаривал меня взяться за эту работу, обещал помочь, быть ее редактором. Но я в это время «рожал» свою диссертацию и по срокам, предложенным «Политиздатом», не мог за это взяться. Потом очень сожалел.

Нюрнбергский процесс. Показания дает фельдмаршал Паулюс

На встрече Аркадия Полторака с маршалом Жуковым в Институте государства и права. Здесь они обменялись своими мемуарами

Не только я, но и братья воспринимали его как самого родного человека. Его ближайшими друзьями были известный юрист и писатель Лев Шейнин, председатель Верховного суда СССР Л.Н. Смирнов, писатели Борис Полевой, Константин Симонов, юрист Е.Б. Зайцев. Он часто встречался с ними и под их влиянием начал пробовать себя в различных жанрах литературы, кинематографии. Вместе с Е.Б. Зайцевым они написали несколько книг, выступили в качестве авторов сценариев художественных фильмов.

Я всегда гордился достижениями брата и не переставал радоваться его успехам.

Школьные годы

В свободное от учебы время у мальчишек нашего двора были занятия самые разнообразные. Конечно, все мы любили море, но, к сожалению, нас одних не пускали на пляж. Иногда отпускали со взрослыми соседями.

Довольно долго, по одесским меркам, я не умел держаться на воде и завидовал тем, кто, доходя до уровня плеч, смело отталкивался ногами от дна и плыл к флажкам. Однако в десять лет меня все же научили плавать, но это случилось не в Одессе.

Море меня, как одессита, притягивало очень сильно. Но все мои попытки научиться плавать часто заканчивались тем, что я вылезал из моря продрогший и наглотавшийся морской воды. Однако странное чувство я испытывал потом, купаясь в пресноводных реках или озерах: мне казалось ненормальным ощущать во рту вкус пресной воды, а вкус морской воды представлялся нормальным.

Всегда любил слушать рассказы взрослых о морских путешествиях, контрабандистах, которые в XIX веке часто высаживались на берегах под Одессой в катакомбах, устраивали там свои базы и через тайные ходы входили в город – часто в его центре. Надо сказать, что рассказы о катакомбах всегда волновали ребят, и мы старались найти подтверждение рассказам взрослых о том, что город стоит на песчанике, который уже много лет разрабатывается как строительный материал.

Нам, мальчишкам, хотелось самим добраться до катакомб. Кто-то подсказал, что в подвалах нашего дома можно найти проход в катакомбы. Вооружившись фонариками и кусками труб, мы около двух недель спускались в подвал, где искали возможность расширить встречавшиеся небольшие отверстия, чтобы пройти в хорошо различимые коридоры из песчаника. Для этого долбили кусками труб небольшие отверстия в перегородках из того же песчаника. Но все было тщетно.

Спустя много лет после Великой Отечественной войны я побывал на экскурсии в катакомбах. Кроме того, представления о катакомбах сложились, опять же, в послевоенное время после посещения одного из художественных музеев, расположенного в бывшем княжеском особняке на Херсонской улице, ведущей от центра города вниз, на Пересыпь. Здесь, после просмотра картин западных мастеров в залах второго и третьего этажа, экскурсовод предложила спуститься в подвальное помещение, откуда длинный и узкий каменный коридор вел к морю. Мы долгое время шли этим коридором с фонарями и добрались до огороженного места, за которым был виден провал. За ним еле-еле слышался плеск воды. По свидетельству экскурсовода, там, внизу, был небольшой заливчик, примыкающий к каменному коридору, по которому ходили контрабандисты. По этой дорожке они шли, попутно складывая товары, привезенные из дальних стран.

Так спустя много лет раскрылась тайна катакомб, которая в детстве волновала нас, мальчишек, и побуждала к различным действиям.

Были в детстве и другие развлечения и запомнившиеся дела. С друзьями я ходил по городу, все больше узнавая его. Недалеко от нас, рядом с вокзалом, была зеленая зона типа парка – Куликово поле. Сюда мы часто ходили, бродили между деревьями и кустарниками.

Одним из популярных занятий здесь была ловля тарантулов – больших пауков. Они зарывались глубоко под землю, оставляя круглые отверстия на поверхности земли. В эти отверстия мы опускали на веревочке куски смолы, за которые хватались тарантулы. Быстро выдергивая веревочку, мы либо убивали их камнями, либо собирали для коллекции. Это было увлекательное занятие. Сами пауки были огромные, лохматые и страшные. Ловить их было опасным делом: их укус был очень болезненным. Чтобы избежать его, нужно было

быстро накрыть паука стеклянной банкой, а затем осторожно выпустить его в сосуд для длительного хранения. Коллекция пойманных пауков разного размера была предметом гордости.

Еще на Куликовом поле росли кусты дикой маслины. Мы часто обрывали ее и ели. Однажды нам попался куст с большими ягодами. Мы долго его обирали и ели маслины. Когда я пришел домой, все признаки отравления были налицо: боли в животе, температура, головокружение. Доставил матери два «приятных» дня.

Однако это не было единственным «лакомством», которым мы обедались в те годы. Еще помню деревья акации, на которые мы забирались, чтобы сорвать как можно больше сладковатых цветков и съесть их. А результат этих «пиров» был тот же – сильное отравление, боли в желудке, рвота.

Были, однако, в детские годы и приятные вкусовые ощущения от типичных черноморских продуктов. На всю последующую жизнь запомнил вкус жареной черноморской скумбрии, которая буквально таяла во рту. Этот вид скумбрии отличается от атлантической. Одеситы солили ее, коптили, и все это богатство продавалось на Привозе, куда мы с матерью ходили довольно часто в Рыбный корпус.

Во второй половине дня вдоль корпусов лежали биндюжники – одесские грузчики, доставлявшие рыбу на рынок. Однажды, проходя с матерью мимо Рыбного корпуса, я громко чихнул, и вдруг со стороны лежавших биндюжников раздались пожелания: «Вер гелеймт» («Чтоб ты околел!»). Это еврейское выражение схоже со словами «вер гезунд!» – «будь здоров!» Будучи уверенным, что мне пожелали здоровья, я повернулся в их сторону и сказал: «Спасибо». Раздался взрыв смеха. Так развлекались одесские биндюжники.

В Одессе скумбрию любили все. Когда она исчезла, пошли различные слухи о причине этого. Наибольшей популярностью пользовался сказ о том, что турки перегородили пролив Босфор металлической сетью, чтобы рыба не могла пройти в Черное море.

Еще одна история о скумбрии, любимой одесситами рыбе. Однажды рыбаки, ловившие скумбрию в открытом море, поразились большому количеству косяков этой рыбы. На следующий день скумбрия стала выбрасываться на берег. Не раздумывая долго, многие жители города стали на пляже буквально хватать бившуюся у ног рыбу, складывать в бочонки, принесенные заранее и опущенные на песчаные отмели, и солить ее.

Причины этого наплыва скумбрии одеситы объясняли по-разному. Наиболее реальной выглядела следующая версия: скумбрию преследовала рыба-хищник паламида, которая буквально висела над косяками скумбрии. Если скумбрию солили в бочках, то паламиду ловили и жарили на сковородах. Такое рыбное богатство наблюдалось у берегов Одессы лишь в предвоенные годы, и не более одной недели. Эту неделю запомнили многие жители города на долгие годы.

С раннего возраста я очень увлекался чтением. Читал все: и художественную литературу (классиков, современную и зарубежную литературу), и научно-популярную.

И первым, кто привил мне потребность в чтении, был брат Мирон. Он читал очень много. Всегда перед сном его можно было видеть с книгой в руках. Я расспрашивал его о том, что он читает. Часто брал книги, прочитанные им.

Меня удивляла его способность доставать интересные книги в самых различных местах – кроме библиотек, у друзей, родственников, соседей.

Мирон пытался научить меня быстро читать, что ему удавалось за счет пропуска отдельных мест в тексте. Я так и не смог овладеть этим методом чтения.

Где-то лет с тринадцати-четырнадцати очень увлекся классической западной литературой. Уезжая из Одессы, в эвакуацию сумел захватить с собой несколько книг. Помню, с какой жадностью я читал исторические хроники Шекспира, произведения Байрона, Диккенса.

Памятные встречи с родней

Вспоминаю два события тех лет, оставивших в памяти особое впечатление.

Первое произошло в 1935 году: к нам в Одессу приехал американский дядюшка Абрахам Красне со своим семейством. Где-то в начале XX столетия он эмигрировал из России в Америку. Его фамилия в действительности, как и девичья фамилия моей матери, была Краснощекий. В Америке он преобразовал ее в «Красне». Эта фамилия была хорошо знакома в Нью-Йорке благодаря широко известной в Америке компании по производству пищевых продуктов, принадлежавшей Абрахаму.

Остановился он со своей женой Мэри в гостинице «Лондонская» на Приморском бульваре.

Впечатлений от встречи с американскими родственниками хватило на много лет. На третий день их приезда мы были приглашены к ним. Для меня посещение лучшей гостиницы в городе с ее необыкновенным убранством, шикарной мебелью в просторных комнатах, где они разместились, свежи в памяти до сих пор. Меня несколько удивило большое количество родственников, которые заполнили прекрасные апартаменты. Я почти никого не знал. Спросил маму – она тоже почти никого не знала. Видимо, об этом визите гостя из Америки даже самые дальние родичи каким-то образом были осведомлены и явились со своими близкими.

Дядя Абрахам то и дело уходил в другие комнаты своего номера и возвращался с подарками, которые вручал жаждавшим получить что-нибудь для своей «мешпухи». Уже не помню, что досталось маме и отцу, но хорошо помню, что преподнесли мне. Прежде всего на меня надели кожаную курточку. В те времена это был необычайный подарок. Потом Мэри, жена Абрахама, вручила мне авторучку. И эта вещь была в то время большой редкостью у нас.

Я поблагодарил и сразу подумал, как эти подарки будут расценены моими сверстниками. Больше всего завидовали авторучке. Ее потом рассматривали соседские ребята, школьники. Все восхищались этим подарком и смотрели на меня как на счастливого человека.

Через три дня напротив нашего дома остановился шикарный «линкольн», и из него вышли Абрахам с Мэри и направились к нам. Я сразу выскочил из подъезда и подошел к автомашине. Там уже стояло несколько мальчишек из нашего двора. Мы рассматривали авто. Внутри за рулем сидел шофер. Самое большее, что мы могли позволить себе, – дотронуться до корпуса, провести рукой по капоту. Однако это оказалось не так безобидно. То ли корпус машины был под электричеством, то ли еще что, но руки пришлось отдернуть: ударило током. Мы, мальчишки, не вступили в контакт с шофером и решили, что он подключил электричество, чтобы нас отогнать. Еще и еще раз убедились в том, насколько все в этих автомашинах продумано их создателями.

Вскоре наш гость со своей женой уехал в Нью-Йорк. Потом, кажется, через год, а может быть, два, они снова приехали в Одессу. В этот раз с ними была дочь – красивая девушка лет двадцати-двадцати двух, которая сразу проявила интерес к Саше, моему брату. Вместе они гуляли по бульвару, центральным улицам. Саша вроде бы чуть говорил на английском, и этого хватало им, чтобы немного объясняться. Слушая разговоры старших, я понял, что молодые родственники прониклись чувством взаимной симпатии.

Но на этом все и кончилось. Отъезд дяди из СССР положил конец нашему общению с зарубежными родственниками. Правда, в самое тяжелое время – в 1943 году, когда мы жили в эвакуации в городе Джамбуле, неожиданно получили извещения на две посылки из США. Это оказались продовольственные посылки. Их содержимое в то время, когда хлеб и основные продукты мы получали по карточкам, было существенной добавкой к нашему рациону. Помню, в посылке было две банки тушенки, три банки сгущенного молока, конфеты, пече-

ные. Мама распределила все это богатство на несколько дней. Мы еще долго вспоминали вкус этих гостинцев.

Сразу же отправили благодарственное письмо. На этом все закончилось. Надежды на регулярность этой помощи быстро рассеялись, так же как не дали результата и наши попытки в послевоенный период связаться с дядюшкой. Спустя много лет, будучи в Нью-Йорке, я пытался найти наших родственников. Но все это оказалось тщетным: то ли дядюшка умер, то ли его родственники, мало общавшиеся с нами, просто забыли о нашем существовании. Может быть, это было к лучшему – во всяком случае, в анкетах мы уже не писали о том, что имеем родственников за границей, что избавляло нас от множества тревог и неприятностей.

Второе событие произошло летом 1937 года. Вместе с родителями мы отправились в Киев, в гости к родственникам с отцовской стороны. Их было довольно много. Мы остановились у папиной сестры тети Ханы. Тетя Хана со своей семьей – мужем Лузиком, старшим сыном Абрамом (Аркадием) и младшим сыном Арончиком – жила на втором этаже в доме на Брест-Литовском шоссе. Рядом с этим домом был сарайчик, – отдельное помещение, где размещался скот: коровы, овцы, поросята. Рано утром тетя Хана ходила в этот сарайчик доить корову, ухаживать за другой живностью, а уже к девяти утра готовила всем завтрак.

Дядя Лузик работал на мясокомбинате. Он очень хорошо разбирался в достоинствах животных, всегда восхищался хорошо сложенными коровами, овцами. Однажды шли мы по улице, и по мостовой вели корову. И вдруг мы услышали его восторженные слова об этой буренке: «Какие бока! Какое вымя! Какая морда! Какая походка!» И так было всегда, когда ему встречались хорошие коровы.

Тетя Хана была энергичной женщиной, трудилась весь день. Она очень рано похоронила дочь, но двое сыновей были рядом. Один из них – старший Аркадий – стал чиновником, другой (Арончик) – почти мой ровесник (ему тогда было двенадцать лет) – в тот наш визит водил меня по Киеву, показывал городские достопримечательности.

Помню, очень сильное впечатление на меня произвел Успенский собор в Киево-Печерской лавре, парки на правом берегу Днепра. Хорошо запомнил Владимирскую горку, бульвары в центре города, Крещатик, Банковскую улицу с замечательными особняками, Центральный рынок.

Однажды Арончик, с которым я очень сдружился, предложил мне поехать на станцию, где обучали плаванию и гребле. Мы довольно регулярно ездили туда, занимались греблей, обучались плаванию, и вот именно там я всего за месяц овладел навыками и того, и другого. Был очень горд, приехав в Одессу и зайдя на пляж на 10-й станции Фонтана: пошел на глубину и поплыл. Радость была большая. С тех пор я почти ежедневно плавал, испытывая и удовольствие, и гордость.

С Арончиком с тех пор я больше не виделся. Когда началась война и немцы подошли к Киеву, он отказался эвакуироваться с родителями и пошел в ополчение. Сражался и погиб под Киевом.

Другая тетя – Маня – жила со своим семейством неподалеку, на том же Брест-Литовском шоссе.

И эта семья тоже держала животных. Главной среди них была, конечно, лошадь, которую запрягали в пароконную повозку, на которой дядя Зяма (муж Мани) развозил различные грузы. Неоднократно и меня возили на этой повозке.

Одним словом, пребывание в Киеве и общение с родственниками наполнили меня чувством гордости. Я часто потом их вспоминал. Более того, в годы войны в эвакуации мы объединились с некоторыми киевскими родственниками. Они жили в городе Джамбуле, и мы еще больше сдружились.

После войны я часто ездил в Киев и там бывал в гостях и у тети Ханы, и у тети Мани. Тетя Хана приезжала к нам в Москву, жила в квартире Аркадия и помогала ему. Моей жене и всем нашим она запомнилась не только как энергичная, но и веселая женщина, всегда была заботливой и смешливой. Похоронив мужа и старшего сына Аркадия, она сохранила жизнестойкость, любовь к близким. В конце концов она осталась одна.

Поскольку многие ее родственники уезжали в эмиграцию в Америку, тетя Хана решила ехать с ними. Я специально ездил в Киев уговаривать ее не ехать в Америку. Увы, она решила этот вопрос положительно и уехала. В Лос-Анжелесе жила с внучкой (дочкой Аркадия), дожила почти до ста лет, оставила хорошую память о себе.

Когда я бывал в Киеве, то часто останавливался у Гриши, папиного брата. Он был фронтовиком, воевал под Ленинградом. В 1943 году его нашел мой брат Аркадий и вывез на материк, спасая от голодной смерти.

После войны он вернулся в Киев, работал директором завода. Был он крупным человеком, но здоровья крепкого не имел. Где-то в возрасте пятидесяти пяти – шестидесяти лет дядя Гриша умер. Осталась его жена Клара, с которой мы поддерживали родственные связи много лет. Она приезжала к нам. Детей у них не было. Как-то было печально сознавать, что киевские Полтораки завершили свое существование на Родине: кто рано ушел на тот свет, а кто уехал за рубеж.

Продолжаю поддерживать родственные отношения с дочкой и внучками тети Мани. Они тоже живут в Америке. Иногда переговариваемся по телефону, по Скайпу. Поражаюсь внешнему виду Розы, которой уже далеко за восемьдесят, но которая, несмотря на сломанные ноги, сохраняет хороший внешний вид, ясное сознание.

Война

В то лето мы жили на даче. Весть о войне распространилась после двенадцати часов дня. Кто принес – не помню. Это было в выходной день.

Начались разговоры: что делать? Решение – ехать в город.

Не было коллективных сходов соседей, каждый обсуждал в своей семье.

К вечеру мы поехали в город. Дома шли разговоры о получении денег в сберкассе.

Наш сосед по фамилии Зеленый слушал зарубежное радио. Странно было, что Сталин молчал, не выступал, а говорил по радио Молотов.

К вечеру, в девять часов тридцать пять минут, первые сигналы воздушной тревоги. От соседа к соседу передавали сведения о бомбоубежище на углу бывшего здания монастыря. По сигналу сирены многие туда направились.

Спустились в подвал – стены бетонные, прохладно. Часа два там сидели, потом вышли, пошли домой. Пацаны рассуждали о немецких самолетах. В вечернем небе светили прожекторы, грохали зенитки. Перекрещенные лучи, казалось, высвечивали фашистские самолеты.

Настроение бодрое. Казалось, скоро мы начнем наступление.

Наутро распространились разные слухи. Во дворе соседи говорили, что вечером был налет, разбомбили несколько домов.

Днем пацаны сговорились идти смотреть результаты налета в Малый переулок, что у начала Гаванной улицы. Шли туда по Пушкинской, дальше – по Ланжероновской, по дороге разглядывали, как многие горожане фанерой заменяли оконные стекла.

Подожли к дому, где упала бомба, и картина предстала необычная. Сразу вспомнили кадры кинохроники о войне в Испании. Бомба, видимо мощная, – таких обычно в кинофильмах было много – как бы срезала угол четырехэтажного дома, и нам открылся вид комнат со всей обстановкой внутри: кровати, пианино, столы, шкафы. Несмотря на то что подобные картины уже видели в документальных фильмах про испанскую войну, тем не менее охватывало ощущение необычности произошедшего. Чувства страха пока не было.

Вечером опять с мамой и соседями пошли в бомбоубежище, сидели там на скамьях, слышали через толстые стены приглушенные звуки выстрелов зенитных орудий и страшились прямого попадания сбрасываемых бомб. И тогда вспоминали вид разрушенного дома в Малом переулке и думали: а вдруг в здание над мощным бетонным подвалом попадет бомба? Глухие звуки от выстрелов зениток проникали в подвал, где мы находились.

Утром вместе с пацанами разбежались по окружающим улицам, недалеко. Повсюду в группах собирающихся возле домов людей слышали разговоры о пойманных шпионах, которые якобы светили немецким летчикам фонариками, показывали, где лучшие цели.

На протяжении почти месяца немецкие самолеты ежевечерне прилетали в девять часов тридцать пять минут, когда уже смеркалось. К этому времени жители прятались: кто в бомбоубежищах, кто уходил в парки. Где-то уже начали рыть щели, и туда набивалось много людей. Стрельба зениток, гул немецких самолетов, сигналы воздушной тревоги – становилось страшно.

Через несколько дней родители приняли решение уехать на дачу на 10-ю станцию – ведь там не бомбили. К вечеру на трамвае № 18 отправились на дачу на 10-ю станцию, но и там было страшно. Каждый вечер над нами летели немецкие самолеты бомбить Одессу. Наших самолетов не было видно.

В эти дни родилась звуковая картинка: «Везу-везу-везу – кому, кому, кому, кому? – А-а-а! – Вам!» Так и было.

Каждый вечер мать тянула меня под кровать. На кровать сверху набросали матрасы и подушки. Но все это было так наивно, что скоро перестали это делать.

К концу июля 1941 года Одесса была окружена немецко-румынскими войсками. В городе строили баррикады. Фронт прочно удерживали наши. Опять поползли слухи о немецких шпионах, которые подсвечивали вечером и ночью важные объекты для бомбежки. В газетах видел фото нескольких таких задержанных шпионов.

Дорога в эвакуацию

В городе стало тревожно. Постепенно начала ощущаться нехватка продуктов, перестали заглядывать в гости знакомые, родственники. Как-то разорвался круг людей, приходящих к нам. Все чаще и чаще стали вести разговоры об эвакуации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.